

помнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. «Да» — отвѣчалъ онъ — «это убѣжденіе есть». — Слезы докончили его исповѣдь. «Жизнь, все жизнь» — продолжалъ онъ какъ бы про себя — «исполненная пустоты». Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: «Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые!» Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; за тѣмъ онъ уснулъ спокойно.

10/22 Апрѣля, въ четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи онъ отвѣчалъ: «Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себѣ Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, какъ сокровище, въ насъ». Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ Іюні или даже Маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. «Вы на пути» — сказалъ онъ мнѣ, — «какое счастье идти куда захочешь, ѣхать куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. — Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ), чтобы вы знали, что послѣ меня останется. Я написалъ Поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ» — въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ, по Нѣмецки. Но Кернеръ беретъ перевести ее по Нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по-своему, пусть прибавляетъ, — но мысль мою онъ пойметъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я рассказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геимманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности».

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ пригласилъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. «Я хочу писать къ Государю», говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ. — «Василій (позвалъ онъ человека), мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ?» — Три часа, отвѣчали ему. «Какъ идетъ время!» Потомъ, обратившись ко

мнѣ, онъ началъ говорить: «Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать одиночество — вотъ что больно!» Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: «но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно, оставить все женѣ привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи!» При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощайте!.... Богъ знаетъ, увидимся ли еще». Я было возразилъ противъ этого надеждою; но онъ отвѣчалъ: «Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости». Я вышелъ.

12/24 Апрѣля я былъ въ Карлсруэ у П. П. Озерова. По причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгартъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковский скончался въ ночь съ пятницы на субботу въ 1 ч. и 37 минутъ по полуночи. Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человека, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по полудни мы отправились вмѣстѣ съ г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта и старикъ Рейтернъ, безрукій воинъ Русской службы, которому не суждено было принять послѣдній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представлявшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндой изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталого пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ рассказовъ того же человека я узналъ, что онъ съ пятницы на субботу къ вечеру былъ больше въ забытіи; однако узнавалъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же уснулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ втораго часа по полуночи два послѣдніе вздоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человека только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ....

Мы начали литію. Продолженіе пасхальнаго по праздниства какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю; и когда я, стоя лицомъ къ лицу умершаго, возгласилъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ», — то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимаетъ сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего.